

Защита диссертаций по древней истории

I. В марте 1947 г. на ученом Совете Института истории АН СССР была защищена докторская диссертация докторантом Института П. Н. Тарковым на тему: «Греко-эллинистический мир и Рим на рубеже III и II вв. до н. э. (Международные отношения и социальная политика)».

В своем критическом разборе источников (в основном Полибия) и историографии П. Н. Тарков стремится показать, что и у древних и у современных авторов оценка событий исследуемого им периода не оправдывается реальной действительностью. Древние авторы, как и большинство новейших историков, стоят на проримских позициях, стараются или отрицать римскую агрессию, или придать ей вынужденный, оборонительный характер. Но даже и те историки, которые не симпатизируют Риму, смотрели на историю Греции этого периода с точки зрения Рима, в котором видят уже для того времени крупнейшую державу, так или иначе диктовавшую Греции свою волю. В противоположность этому «романоцентризму» П. Н. Тарков старается посмотреть на события с точки зрения внутренних отношений в самой Греции и поставить Рим на то скромное место, какое он занимал в международных отношениях конца III в. до н. э.

В основном диссертация разбирает события так называемой I и II Македонских войн и ряд внутренних социальных движений, главным образом, в Спарте, связанных с этими войнами. Диссертант доказывает, что I Македонская война названа так по недоразумению, под влиянием римской традиции. В действительности это была внутренняя война в Греции, вторая союзническая война, и Рим играл в ней незаметную, подчиненную роль. Договору Филиппа Македонского с Ганнибалом посвящена отдельная глава диссертации. По мнению автора, договор 215 г. говорил прежде всего о размежевании сфер влияния между Карфагеном и Македонией. Мир в Фойнике 205 г. не был римским, а являлся попыткой греческих государств объединить свои усилия для борьбы против гегемонии Македонии.

Спартанская революция в период тирании Набиса разрастается в изображении ее диссертантом в событие большого исторического значения, сыгравшее значительную роль во внутренней и внешней политике эллинистических государств. Непосредственным результатом революции Набиса был конфликт с Ахейской лигой.

Македонская война была продолжением столкновений, начавшихся в Греции еще до вмешательства Рима. Во всех перипетиях войны основную роль играли интересы тех или иных социальных групп внутри греческих государств, а не державная воля Рима, как это представляет Ливий.

Заключительный вывод автора сводится к тому, что «все это была одна цепь войн, порожденных кризисом рабовладельческой системы Средиземноморья, искавшей выхода из этого кризиса» (стр. 982). Спарта при Набисе пыталась найти революционный выход из кризиса. Но «силы революции были еще слабы; к тому же не были еще исчерпаны и все возможности рабовладельческой системы. Поэтому в период рубежа III—II веков дело Ахейской лиги и Рима победило, а революция Набиса была разбита» (стр. 983). Но, хотя революционное движение было подавлено, «Греция показала будущий путь развития любого рабовладельческого общества: она в миниатюре жила в это время тем, что через четыре—пять веков было повторено и Римом» (стр. 985).

Таким образом, в диссертации на основе детального анализа и освещения имеющихся материалов проводятся новые идеи, отвергающие господствующую романоцентрическую точку зрения и позволяющие трезво и объективно оценить внутренние и внешние силы, определившие международную политику греческих государств в конце III в.

О. Ю.

II. В Московском городском педагогическом институте 16 апреля с. г. состоялась защита кандидатской диссертации В. П. Дзугуровой на тему «Герakлея Понтийская в эпоху ее автономии».

Пользуясь литературными источниками («Хроника» Мемнона-Гераклеота и др.), данными нумизматики и весьма скудными археологическими и эпиграфическими материалами, автор по-новому рассмотрел ряд узловых вопросов истории Гераклеи. В. П. Двагурова отвергла мнение Г. Глотца о византийско-беотийском происхождении Гераклеи, считая более вероятным основание Гераклеи Мегарой, олигархами ее, изгнанными из метрополии вследствие ожесточенной классовой борьбы. Основание города сопровождалось длительной войной с туземным племенем мариандинов и острой политической борьбой между олигархией и демократией. Результатом было изгнание демократов из Гераклеи в конце VI в. до н. э. и основание ими Каллатии на западном берегу Черного моря.

Длительная борьба внутри гераклейского гражданства, обусловливаемая социальными противоречиями, закончилась победой гераклейской демократии в 470—420 гг. до н. э. под влиянием Афин. В это же время, как показывают новые эпиграфические данные, Гераклея входила в Афинскую морскую державу и находилась в самых оживленных сношениях с Эгейским бассейном.

Пелопоннесская война отвлекла внимание афинян от Черного моря, что привело к антидемократическому перевороту в Гераклее. В 424 г. победившие олигархи изгнали демократов, которые основали новую колонию—Херсонес Таврический. В. П. Двагурова считает, что демократические институты Херсонеса не были копией мегарской конституции, как утверждал В. В. Латышев. Они были принесены из Гераклеи, где в середине V в. до н. э. процветали демократические учреждения.

Особое внимание диссертант уделил политическому строю в Гераклее в IV в. Установившуюся в Гераклее в период 363—281 гг. тиранию автор рассматривает как сходную с раннегреческими тираниями, хотя указывает и на черты сходства с правлением Дионисия Сиракузского. Тирания IV в. в Гераклее пользовалась поддержкой демоса и противостояла олигархии.

Подробно останавливаясь на внешних связях и отношениях Гераклеи, В. П. Двагурова рисует картину оживленных сношений с севернопонтийскими городами, особенно с Ольвией и Пантикапеем, наиболее интенсивных в III в. Внимательно изучив политическую обстановку на Черном море, автор вновь ставит вопрос о времени войны между Гераклеей и Боспором, считая, что Гераклея не могла активно участвовать в войне Феодосии и Боспора (начало IV в. до н. э.) и ограничивалась только помощью продовольствием феодосийцам. Война Гераклеи с Боспором имела место только после смерти Перисада IV, вызвавшей смуты в Боспорском царстве, т. е. после 252 г.

С начала II в. до н. э. Гераклея вступает в дружественные отношения с Римом. Заканчивая свое исследование истории Гераклеи Понтийской описанием разгрома города в эпоху Митридатых войн, В. П. Двагурова создала стройное изложение ее на протяжении около 500 лет. Значительное внимание было уделено ею изучению внутреннего строя города.

Снабженная обширным научным аппаратом, диссертация в качестве приложения имеет перевод «Хроники» Мемнона, сделанный автором диссертации.

Т. Б.

III. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. (автореферат кандидатской диссертации, защищенной 2 июня с. г. в Институте истории АН СССР).

Задачей диссертации было исследование истории греческих колоний на западном побережье Черного моря в период их автономного существования на основании свидетельств античных авторов и, главным образом, данных эпиграфики, нумизматики и археологии.

Основание колоний в Западном Причерноморье происходило с середины VII в. до 520 гг. до н. э. Это города: Истрия, Тома, Каллатия, Дионисополь, Одесс, Месембрия и Аполлония. Одни из них были ярко выраженными торговыми поселениями, в других преобладало вначале земледелие.

Политическая история западнопонтийских колоний прослеживается только с конца VI в. Важнейшими событиями были: установление дружественных сношений

Истрии со скифским царством, а затем вхождение всех городов побережья во фракийское царство одрисов. Это сопровождалось экономическим расцветом греческих колоний. Во второй половине V в. некоторые из исследуемых городов были включены, хотя и недолго, в Афинский союз. Нужно согласиться с мнением В. В. Латышева, подтвержденным данными эпиграфики, о вхождении Черного моря в сферу влияния Афин.

Большое значение имело распространение скифского царства при царе Атее на Западное Причерноморье в середине IV в. до н. э., положившее начало длительному проникновению скифов к югу от Дуная.

Подчинение западнопонтийских городов Македонии в последней трети IV в. и восстание Каллатии против Лисимаха дают основание полагать, что политика греков Западного Причерноморья была антимакедонской. Это определялось большей, по сравнению с остальной Грецией, крепостью и жизнеспособностью демократического полиса в Западном Понте. Каллатийцы и другие греки боролись за сохранение автономии и независимости, против подчинения эллинистической монархии.

Возникшее в III—II вв. до н. э. царство Малая Скифия оказало большое влияние на судьбы соседних ему западнопонтийских городов.

Период эллинизма был эпохой широкого развития торговых связей Западного Причерноморья. Особенно развивалась торговля с северным и южным берегами Черного моря.

Важное значение в истории Западного Причерноморья имело Понтийское царство. При Митридате VI Евпаторе часть западнопонтийских городов вошла в его царство, другие заключили с ним союз. Эту политику можно рассматривать как явно враждебную Риму, как стремление найти защиту у Понтийского царя против растущей римской агрессии. Последующие события в истории западнопонтийских городов—вынужденный, повидимому, союз Каллатии с Римом, восстание 62 г. до н. э. против наместника Македонии Гая Антония Гибриды, добровольное подчинение некоторых городов гетскому царю Биребисте—дают основание отвергнуть общепринятую теорию Моммзена о стремлении этих городов стать клиентами Рима.

Развитие западнопонтийских колоний с середины I в. до н. э. шло не одинаково. Южные города вошли в орбиту фракийского царства одрисов, что способствовало росту их благосостояния. Более северные города испытывали все тяготы постоянной борьбы с варварами вследствие натиска новых пришельцев.

Внутренний строй и учреждения западнопонтийских колоний свидетельствуют о том, что они сохраняли все особенности греческих полисов. Влияние соседней варварской среды имело место только в религии, где оно сказывалось довольно сильно.

Относительно спорного вопроса о времени возникновения западнопонтийского *κοινόν* следует считать, что он не существовал в эллинистическое время, так как все свидетельства о нем относятся к римскому периоду.

Изучение истории Западного Причерноморья в античную эпоху свидетельствует об его тесных связях с метрополией, с другими понтийскими городами и в особенности с городами Северного Причерноморья. Поэтому исследование Западного Понта имеет большое значение для древнейшей истории нашей страны.

Т. Блаватская

IV. 17 июня 1947 г. в Государственном педагогическом институте им. Ленина (Москва) состоялась защита кандидатской диссертации С. Г. Тер-Исраеляна на тему «Парфянский поход Антония и борьба армянского народа за свою независимость».

Автор диссертации ставил своей задачей изучение римской политики на Востоке в 30-х гг. до н. э., уделяя особенное внимание освободительной борьбе Армении с Римом. Он показывает, что проблема парфянского похода стояла перед Римом, начиная с 50-х гг. до н. э. и все мероприятия Антония сводились к военно-политической подготовке этого похода.

Победа Антония при Гиндаре в 38 и 37 гг. до н. э. заставила армян, иберов и албанов заключить союз с Римом против Парфии. Этот союз диссертант определяет как вынужденный, навязанный силой римского оружия.

Анализируя события похода Антония в Парфию в 36 г., автор считает неверным утверждение ряда буржуазных историков—Буше-Леклерка, Ферреро, Кромайера,—будто уход царя Артавазда из Мидии сыграл решающую роль в неудаче римлян. Подробно показывая особенность парфянской тактики, приведшей к тому, что римляне оказались в очень тяжелых условиях, диссертант утверждает, что именно римляне начали переговоры о мире.

По-новому рассматривается вопрос об отступлении римлян, которому римские авторы и романофильски настроенные историки придавали героический характер. Только недолгое преследование римлян парфянами и помощь царя Артавазда спасли Антония от потери войска. В результате провала парфянского похода проблема Армении стала первостепенной для Антония. События в Армении в 35—34 гг. до н. э. нельзя рассматривать в отрыве от новой восточной политики Антония. Следует критически отнестись к сообщениям историков эпохи Августа, тенденциозно излагавших отношения Антония с Арменией. Поворот Армении к антиримской ориентации был вызван растущей агрессией римлян. Потерпев неудачу в дипломатических переговорах, Антоний вторгся в Армению и обманным путем захватил в плен царя. Это вызвало мощный взрыв антиримского движения по всей стране, во главе которого стал молодой царь Арташес II, поддерживаемый Парфией. В последующей войне Антоний покорил Армению, причем римская армия разграбила ценнейшие сокровища армянского народа. С. Г. Тер-Исраелян указывает, что победа Антония была возможна благодаря численному превосходству римской армии, изоляции Армении от ее естественных союзников—Иберии и Албании. Арташес II не смог объединить и возглавить все антиримские силы в стране.

Диссертант подверг тщательному анализу политику Октавиана в армянском вопросе. Сочувствие Октавиана судьбе Артавазда было только лишь ловким политическим ходом в борьбе с Антонием.

Борьба Армении за независимость стала особенно успешной после неудач Антония на Западе. Восстановленное царство Армении становится ведущей силой на Востоке. По мнению автора, этому способствовало внутреннее единство армянского народа, неспособность Парфии соперничать с Арменией и сосредоточение внимания Рима на его северных границах.

Т. Б.

V. 11 июня на заседании Ученого совета Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова состоялась защита диссертации на соискание степени кандидата исторических наук И. С. Кацнельсоном на тему «Проблемы возникновения государства в Древней Нубии».

Диссертация ставит основной своей задачей разрешение вопросов, связанных с возникновением Нубийского государства и с определением закономерности его развития. С этой целью были собраны и исследованы египетские, египетско-нубийские, ассирийские, иудейские и античные источники, а также археологические памятники, разбору которых посвящены первые три главы работы. Автор показывает, что буржуазные историки не создали полноценной истории Нубии, объясняющей законы ее развития. В их интерпретации история этой страны представляется цепью отдельных событий, функцией от истории Египта, от которого она находилась в полной культурной и политической зависимости.

В главе, посвященной географии и этнографии Нубии, доказывается, что страна, называемая арабскими писателями Нубией, в основном совпадала с теми пространственными представлениями, какие египтяне, начиная с эпохи Нового царства, связывали со страной Куш, а греки—с нильской Эфиопией. При этом следует учитывать изменения, которым подвергались ее южные и северные границы в конце I тысячелетия

до н. э.—начале I тысячелетия н. э. Название «Нубия» происходит от племени нубатов, а не от древнеегипетского слова «нуб»—золото.

Последние три главы—«Древнейшая Нубия», «Египтяне в Нубии» и «Нубийское государство»—являются основными в диссертации. В них прослеживаются исторические судьбы Эфиопии с древнейших времен до возникновения Напатского царства и определяется закономерность ее развития.

Замедленный рост производительных сил Нубии в конце додинастического периода воспрепятствовал не только ее объединению, но и включению в состав египетского государства. Развитие страны задержали также вторгнувшиеся с юга племена (культура Б), стоявшие на более низком уровне развития, и грабительские походы египтян. По-иному складывались обстоятельства на юге страны, где развитие общественных отношений шло естественным путем и влияние Египта было слабее. Первое объединение Нубии было достигнуто военными успехами фараонов XII и XVIII династий. Система управления, созданная египтянами, их культура и религия оказали решающее воздействие на местное население, в первую очередь на родовую аристократию, которая стала активным проводником чужеземного влияния. Также под воздействием Египта происходит дальнейший распад первобытнообщинных отношений, развиваются ремесла и торговля. Таким образом, Египет ускорил и облегчил создание Напатского государства. Инициатива объединения шла с юга, где сильнее сохранились традиции независимости. Переняв внешние формы египетской деспотии, Эфиопское государство в то же время отличалось от него, приближаясь по своему типу к государственным объединениям, возникшим из союза племен. Здесь сильнее сохранились пережитки военной демократии: избираемость царя войском, ограниченность его юрисдикции и т. д. Сила подобных союзов нередко очень велика. Она позволила Каште, Пианхи и их преемникам завоевать Египет, а затем организовать в течение продолжительного времени успешный отпор Ассирии.

Д. Р.

Кафедра классической филологии Ленинградского государственного ордена Ленина университета во 2-м полугодии 1946/47 уч. года

Важнейшими событиями в жизни кафедры за отчетный период были две научные сессии.

В январе происходила традиционная общеуниверситетская научная сессия. По секции филологических наук работала подсекция классической филологии, на которой были заслушаны 4 доклада: проф. О. М. Фрейденберг «Происхождение греческой лирики», проф. И. М. Тронского «Лирика Горация», проф. С. Я. Лурье «Греческая лирика VII—VI вв. и ранняя римская поэзия» и кандидата филологических наук С. В. Поляковой «Метаморфозы в греческом романе». Первые три доклада вызвали оживленную дискуссию по вопросу о происхождении, специфике и значении греческой лирики.

В апреле происходила сессия, посвященная 15-летию существования кафедры (1-я кафедра классической филологии в СССР). Она продолжалась пять дней. В работах сессии принимали участие все основные работники кафедры, аспиранты и студенты классического отделения, представители филологического факультета и многочисленные гости. Было заслушано 14 докладов: проф. О. М. Фрейденберг «15 лет советской классической филологии в Ленинградском университете», доц. Я. М. Боровского «Из прошлого классической филологии в Петербургском университете», аспиранта Гринбаума «Об отношении Ленина к античности», акад. И. И. Толстого «Мотив смерти в мифе о Мелеagre», проф. С. Я. Лурье «К вопросу